

ЭССЕНЦИАЛИСТСКАЯ ПАРАДИГМА НАЦИОНАЛИЗМА И БУДУЩЕЕ ДОНБАССА В МЕМУАРАХ БОЙЦОВ УКРАИНСКИХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ БАТАЛЬОНОВ*

В статье исследуются репрезентации продолжающегося военного конфликта на востоке Украины, представленные в литературных произведениях за авторством ветеранов украинских парамилитарных формирований. Поднимается проблема трансляции радикальных националистических взглядов через литературу, построенную на травматическом военном опыте ветеранов АТО/ООС. В частности, изучается вообразяемый образ украинской (этно) нации и государственности. Исходя из теоретических установок Б. Розенвейн, авторы предлагают рассматривать представителей представляемой ими группы как специфическое «эмоциональное сообщество», а создаваемую ими литературу как пространство воспроизводства не только современной версии «казацкого мифа», но и праворадикального нарратива «национализирующего национализма». Будущее русскоязычных жителей Донбасса в исследуемом корпусе литературы представляется в диапазоне от тотальной украинизации и этноязыковой дискриминации до физического уничтожения или выселения за пределы Украины. Эта позиция, с одной стороны, проистекает из опыта коммуникации с населением в зоне конфликта, с другой – оказывается обусловлена уже существовавшим представлением о Донбассе как о «больном» регионе страны, населённом внутриукраинскими «Другими». Таким образом, в данном парамилитарном дискурсе территория Донбасса и его население оказываются ставкой в игре с нулевой суммой.

Ключевые слова: Украина, украинская литература, война в Донбассе, АТО, эмоциональные сообщества, ветераны, нонкомбатанты, Донбасс, добровольческие батальоны

Ссылка при цитировании: Плеханов А.А., Герасимов В.К. Эссенциалистская парадигма национализма и будущее Донбасса в мемуарах бойцов украинских добровольческих батальонов // Вестник антропологии, 2021. № 2 (54). С. 88–104.

Плеханов Артемий Александрович – к.и.н., научный сотрудник Центра этнополитических исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский проспект 32а). Эл. почта: plekhanov.art.alex@gmail.com

Герасимов Всеволод Кирович – магистр исторических наук, магистр политических наук, преподаватель факультета политологии, Московская высшая школа социальных и экономических наук (125993 Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1). Эл. почта: vgerasimov1989@gmail.com

*Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-31600 «Мемориальные войны и политика национальной идентичности на постсоветском пространстве»

На территориях восточных областей Украины продолжается военный конфликт. Неизбежным социальным последствием такого рода событий является формирование ряда специфических сообществ – ветеранов военных действий, добровольцев, беженцев, волонтеров и т.д. В данной работе мы рассмотрим культурно-символическую основу деятельности украинского общества ветеранов Антитеррористической операции на востоке Украины (далее – АТО)¹, в дальнейшем Операции объединенных сил (далее – ООС)².

Изучение подобного рода групп является крайне важным для понимания социальных и политических процессов, происходящих в современной Украине. Участники различных ветеранских объединений активно участвуют в политической жизни страны: выступают инициаторами массовых акций и демонстраций, в первую очередь носящих протестный характер, зарабатывают медийный капитал на своем военном опыте, избираются в качестве депутатов как на местном, так и на национальном уровнях. Разнообразные политические силы в Украине стремятся использовать представителей этого сообщества в качестве инструмента реализации собственных интересов. Яркий примером подобного рода использования ветеранов с целью надавить на действующую власть в Киеве была акция «Ні капітуляції!» 2019 г., когда от участников и организаторов звучали угрозы устроить «третий майдан» в случае «патриотически неправильных» с точки зрения ветеранов шагов президента В.А. Зеленского (Только в Киеве... 2019). Все это, вкуче с ослаблением государства в сфере контроля над рынком вооружений и опытом обращения данного сообщества с оружием делает эту группу крайне значимой для украинского политического ландшафта (Martyniuk 2017: 6).

Война на востоке стала периодом тяжелейших испытаний для Украины и ее граждан, временем пересборки и переосмысления украинской нации. В подобное время максимально возрастает роль литературы и, шире, культуры как сферы человеческой деятельности, способной в ситуации катастрофы воодушевлять людей, объяснять им происходящее и давать надежду на будущее. Кроме того, для ряда сообществ, в частности, ветеранов и переселенцев, творчество становится пространством коммеморации и работы с личной травмой, равно как и пространством трансляции собственных нарративов с целью их дальнейшей интериоризации современниками и потомками.

В данной работе мы продемонстрируем, что при близком рассмотрении нарративов о военных действиях на востоке страны не является единым, внутренне непротиворечивым и структурированным общенациональным повествованием. Этот нарратив представляет собой конфигурацию текстов, произведенных внутри и/или от имени целого ряда сообществ и находящихся в отношениях взаимодополнения, нейтралитета или взаимоотрицания. В частности, подобное противостояние заметно, когда речь заходит о жителях Донецкой и Луганской областей. Взгляд беженцев на самих себя и на жителей Донбасса, оставшихся в прифронтовой зоне, способен кардинально отличаться от взгляда воевавших там ветеранов. Но и «ветеранский» нарратив не является единым

¹ Антитеррористическая операция на востоке Украины (АТО) – правовой режим реализации комплекса военных мер Украинского правительства в ходе конфликта на востоке страны с 14 апреля 2014 до 30 апреля 2018. Сокращение «АТО» (так же, как и ООС) зачастую используется как синоним вооруженного конфликта на востоке Украины в целом.

² Операция объединенных сил (ООС) – переформатированный правовой режим реализации комплекса военных мер Украинского правительства в ходе конфликта на востоке страны с 30 апреля 2018 г. Ключевым отличием ООС от АТО является перераспределение полномочий командования в пользу Вооруженных сил Украины (ВСУ).

целым. Он включает в себя как рассказы военнослужащих регулярной армии, так и рассказы бойцов парамилитарных формирований (Герасимов 2020: 181–182).

Подобная ситуация отсутствия единого нарратива о войне может быть проинтерпретирована через концепт эмоциональных сообществ. Согласно Б. Розенвейн, эмоциональные сообщества представляют собой группы, в рамках которых входящие в них индивиды разделяют общие интересы, ценности и цели. Зачастую имея в основе общий социальный бэкграунд своих членов, эмоциональные сообщества характеризуются природой аффективных связей между ними, поощрением, порицанием или игнорированием определенных модусов эмоциональной экспрессивности (Rosenwein 2006: 24–26; Rosenwein 2010: 11).

Среди авторов литературы об АТО мы находим людей, обладавших на момент начала военных действий совершенно разными габитусами: футбольных фанатов, специалистов в IT индустрии, профессиональных писателей, журналистов, политических активистов и др. Что опять же демонстрирует гетерогенность украинской литературы о войне. В результате читатель сталкивается с отсутствием единого и внутренне непротиворечивого нарратива об АТО. Наиболее наглядным образом это проявляется в процессах параллельного конструирования образов украинских комбатантов, «переселенцев» и нонкомбатантов Донбасса, живущих как на украинской территории, так и на территории самопровозглашенных республик. В данной работе мы концентрируемся непосредственно на практиках осмысления войны представителями парамилитарных формирований, а именно так называемых добровольческих батальонов.

Важными характеристиками данной группы является возможность ее анализа как специфического эмоционального сообщества, характеризующегося сильной внутригрупповой солидарностью и сплоченностью, обусловленной характером боевых действий на востоке страны в 2014–2015 гг., а именно их непропорционально значимой ролью по отношению к регулярной армии в первые месяцы конфликта. Также необходимо отметить их идейную радикализацию, обусловленную изначально участием многих из них в политической субкультуре украинских ультраправых движений и их травматическим опытом участия в боевых действиях, сопоставимый с опытом ветеранов афганской компании.

Военная проза участников добровольческих батальонов позволяет не только найти описание военного быта и боев, но и дает возможность реконструировать картину мира добровольцев, а также рефлексию касательно положения Украины в современном мире и будущего Донбасса. Таким образом, исследовательский вопрос данной работы заключается в том, как представители сообщества ветеранов парамилитарных формирований в созданной ими литературе конструируют образы себя и собственных подразделений, а также образ Донбасса, его местных жителей и перспектив завершения конфликта в регионе.

В качестве данных для анализа нами были избраны следующие произведения: книга-дневник «Війна кличе. Стань переможцем! Нотатки на полях російсько-української війни»¹ П. Былыны 2016 г., сборник «Блокпост» писателя и поэта Б. Гуменюка, а также мемуары двух участников батальона Азов² М. Деревянко «Позывной «Воланд». Вальгалла-экспресс» 2016 г. и М. Мельника «Позивний «Вирій». Жадання фронту

¹ Война зовет. Стань победителем! Заметки на полях русско-украинской войны.

² Организация запрещена в РФ.

2016»¹. Данные работы демонстрируют нам разный социальный бэкграунд авторов: П. Былына, М. Деревянко и М. Мельник выступают как «простые» воины-патриоты, малоизвестные за пределами ветеранского сообщества/ультраправой политической субкультуры. Напротив, Б. Гуменюк, транслируя схожие нарративы и будучи профессиональным писателем, воспринимается в качестве получившего военный опыт интеллектуального авторитета определённой частью украинского общества.

Редуцируя галицийский редукционизм

Мемуары Петро Былыны представляет собой книгу-дневник, в котором он описывает свое пребывание в зоне АТО в 2014–2015 гг. Шофер по специальности, уроженец с. Каменка Черкасской области, 1962 г.р. размышляет о сущности военного противостояния и экзистенциальной подоплеке войны. Стоит отметить, что до войны автор активно участвовал в деятельности националистического исторического клуба «Холодный Яр» в качестве краеведа (Триумф Холодного Яру 2011). В 2014 г. П. Былына оказался на фронте в составе батальона «Золотые ворота».

Написанное им произведение «Война зовет. Стань победителем! Заметки на полях русско-украинской войны» представляет собой интерес как образчик характерного субкультурного постсоветского украинского националистического дискурса, выделяясь на фоне других воспоминаний комбатантов своей откровенностью и радикальностью лозунгов. Это произведение также интересно тем, что его редактором выступила небезызвестная Ирина Фарион – политик и доктор филологических наук, активно использовавшая радикальный украинский националистический дискурс как элемент своего имиджа. Этот факт, возможно, способствовал многочисленным повторам тезиса о значимости языка в рамках книги.

Декларируемая П. Былыной и одобряемая его редактором в предисловии модель украинского национализма постулирует онтологический статус украинского языка для обеспечения существования украинской государственности и нации. По мнению комбатанта:

«...употребление московского² языка на украинской земле в принципе противоречит существованию государства Украина... с утратой языка утрачивается и культура, а с утратой украинской культуры теряется смысл существования Украинского Государства» (Билина 2016: 11).

Русскоязычные СМИ, телевизионная продукция и книги, по мнению автора, прививают украинцам «московский способ мышления», который оглушает украинцев и порождает украинско-государственный нигилизм (Билина 2016: 18, 26). Этот пример демонстрирует одну из важных черт радикального украинского национализма – представление о непреодолимых психологических различиях между этническими группами, которые формируются на основе институциональной закреплённости представлений об особом национальном характере и постулировании иерархии психологических типов, в которой своя нация представляется наиболее продвинутой (Тишков: 2016 18). Подобный психологизм объясняет «национальную деградацию» смешением «высококультурных» украинцев с «местным финно-угорским населением», в результате чего теряется органическое единство с Украиной, и их культура

¹ Позывной Вырий. Жажда фронта.

² В своем произведении П. Былына принципиально называет русский язык «московским» – прим. авт.

растворяется в «бесконечно рабской и тупо-жестокоей психологии финно-угорских племен». Подобное положение находит свое отражение в одном из пунктов программы одной из первых радикальных националистических партий – Социал-национальной партии Украины (СНПУ) (Держава, влада 2011: 181–182). В программе партии «Свобода» 2003 г. утверждается, что национальная украинская культура должна соответствовать «украинскому менталитету, украинскому психотипу», не раскрывая при этом, в чем именно выражается менталитет и психотип. Это положение затем предусмотрительно было вычеркнуто из последующих редакций партийной программы. Однако эта идея была унаследована праворадикальной организацией «Монолит 1044» (Ідеологія 2014). Данная категория используется, в том числе, для объяснения внешнеполитической ситуации смешиваясь с политическим антисемитизмом. В разделе программы одной из партий претендующей на статус настоящей УНА-УНСО¹, говорится о невозможности для Украины играть в рамках правил сложившейся мир-системы, так как: *«Современная мировая политическая ментальность формировалась в «черте оседлости». Этому невозможно помочь» (Програма УНА-УНСО б.з.)*.

Подобным же образом трактуются современные проблемы интеграции послевоенного Донбасса в состав Украины и П. Былыной. Автор идет проторённым дискурсивным путем, когда в своей работе лишает жителей Донбасса статуса украинских граждан, низводя их до абстрактного «быдла» и «недочеловеков» с которыми невозможно вести диалог и для которых возможен только один путь – уничтожение:

«Нет никакого сепаратизма... Я вижу огромное количество москалей, деды и отцы которых понаехали в Украину на обезлюдившие из-за голода украинские земли. Те москали были и есть московскими патриотами-шовинистами... Этим московским шовинистам в начале 90-х наше украинское, но москвофильское по сути, правительство дало гражданство... Их невозможно перевоспитать. Их можно только умиротворить» (Билина 2016: 79).

Тождество подобных установок ресентименту «национализирующего» национализма очевидно. Русскоговорящим согражданам П. Былыны остается либо стремительно ассимилироваться лингвистически, либо стать пораженными в правах изгоями, постоянно находящимися под подозрением в работе в интересах Москвы (Билина 2016: 11). Русскоязычные граждане демонизируются, им приписываются такие присущие черты характера как жажда власти, коварство, подлость и др. Даже защита Украины с оружием в руках не снимает с русскоговорящих клеймо граждан «второго сорта», а сам Былына признается, что не доверяет русскоязычным сослуживцам – «даже бойцам из своего батальона» (Билина 2016: 56, 134).

Подобная модель взаимоотношений внутри украинского полиэтнического и билингвального общества может быть проанализирована как радикальный и упрощенный извод существующей в Украине интеллектуальной традиции так называемого «галицийского редукционизма» (Портнов 2016: 79). Представители данного направления постулируют, что Украина может быть успешной, лишь избавившись от балласта в виде «неизлечимо советизированного Донбасса». Как отмечает историк А. Портнов, подобное неприятие культурного многообразия собственной страны, вырождающееся в «логику отказа от “лишних” территорий вместо приобретения новых как способ решения национальных проблем» является «достаточно необычным

¹ Организация запрещена на территории РФ.

в истории национализма». В условиях войны идеологема необходимости «мирного развода» трансформируется в нарратив обвинения населения Донбасса: «именно местное население если «не пригласило», то точно «не прогнало оккупантов», а потому несет полную ответственность за войну и ее последствия» (Портнов 2016: 11)

В то же время невозможность разрешения конфликта в подобной лингвоцентричной модели очевидна и самому П. Былыне. Автор отчаянно пытается примерить окружающую его реальность с внутренними идеологическими представлениями через традиционные националистические аргументы, связанные с требованием совпадения границ политических и этнических и мучается от когнитивного диссонанса:

«Сегодня, после ночного патруля, я на кухне. Две женщины из местных пришли работать вместо «Саида». Разговорились. Они не верили, что мы добровольцы. Спросил их о выборах. Лена сказала, что на выборы не ходила, а Света голосовала за своих. Алексей из гаража тоже сказал, что голосовал за своих, за коммунистов. Они обе жалуются, что их обманывают и обе отдадут свои голоса за бандитскую мафию. Почему так? Еще они хотят, чтобы их окружали привычные им московский язык и московские обычаи. Но это моя земля, а не их, потому что, сколько хватает истории в глубине веков, то мы видим моих предков, украинцев, а не ихних. И я не хочу, чтобы меня на моей земле окружали московский язык и обычаи. Как быть? Как мне без компромисса найти общий язык с моими соседями, живущими на моей земле и почему-то считающими её своей?» (Билина 2016: 74).

Таким образом, если Россия и русские играют роль экзистенциально значимого внешнего «Другого», само существование которого означает смертельную угрозу и vice versa, то роль дискриминируемого внутриукраинского «Другого» отводится как русскоязычным гражданам страны, так и украинцам, говорящим на суржике или как их обозначает их автор «суржикомовным хохлам» (Билина 2016: 18). В своем дневнике П. Былына следующим образом видит решение проблемы внутриукраинского «Другого»:

«С украинизацией необходимо вести себя так же, как и с деленинизацией... взять и запретить использовать во всех без исключения государственных учреждениях и в сфере обслуживания московский язык... Московскоязычные патриоты нам будут благодарны, что подтолкнули их изучать государственный язык, а украиноненавистники, московские шовинисты посдыхают от ярости либо сбегают в Москву» (Билина 2016: 116).

Перед нами наглядный пример декларирования того присущего обществам новообразованных/воссозданных государств типа национализма, который Р. Брубейкер определил как «национализирующий». Его характерной особенностью являются требования во имя интересов «коренной» нации, определяемой в этнокультурных терминах, и резко отличающейся от гражданства как такового. «Коренная» нация воспринимается как легитимный «собственник» государства, которое понимается как государство «коренной» нации и для «коренной нации» (Brubaker 1996: 4-5).

По мнению П. Былыны, национальная идея – это «всестороннее знание истории и культуры своей нации, работа на благо национального государства и развитие национальной культуры» (Билина 2016: 30). Не говоря уже о тавтологичности данного определения, где «культура нации» априори отождествляется с «национальной культурой». Встает вопрос о том, насколько автор вообще последователен в своей идейной концепции.

На страницах книги заметно, какую изрядную теоретическую путаницу демонстрирует автор. Например, он возмущается, когда его сослуживец злится на его одержимость языковым фактором и приводит в пример Швейцарию и Канаду:

«Бегемотистый хохол... рассказывает мне, что нет разницы, на каком языке говорить, потому что в Швейцарии есть три языка, а в Канаде – два. Но ведь швейцарские итальянцы, французы и немцы имеют свои этнические страны – Италию, Францию и Германию. Точно так же канадские французы и англичане. А украинцы, кроме Украины, не имеют больше никакой земли на свете» (Билина 2016: 18).

Тем самым он однозначно отказывает признать существование швейцарской и канадской политических наций, косвенно приписывая их этническим сообществам возможность быть объектами национализма «внешних национальных родин» (external national homelands) по Брубейкеру (Brubaker 1996: 5). Но уже через несколько страниц, жалуясь на невозможность легального хранения стрелкового оружия бойцами украинских парамилитарных формирований, он снова приводит в пример Швейцарию, где, по его мнению, «народ, армия и правительство имеют одну цель – сохранить свое этническое государство» (Билина 2016: 31). То есть состоящая из имеющих «свои этнические страны» граждан и являющаяся антипримером в языковом плане Швейцария является примером в вопросе хранения оружия, за что и удостаивается от автора характеристики «этнического государства».

В другом месте П. Былына оговаривается (или проговаривается?), размышляя о значении территории. По его мнению, территория украинских земель начала уменьшаться еще в советский период, когда Советский Союз отдал Польше украинские земли Холмщины, Лемкивщины, Надсяння, и Подляшья, а ещё до этого были отчуждены Кубань, часть Воронежской, Брянской, Курской, Белгородской областей. В этом контексте потеря Крыма и Донбасса представляется ему угрозой не украинской нации, но украинскому этносу, и лишь по этой причине – украинскому государству:

«Украинцев было больше, чем поляков, или москвитов, или литвинов – теперешних белорусов. Если мы и дальше будем терять свои территории, то украинцы исчезнут как этнос и исчезнет наше государство» (Билина 2016: 66).

Социальный порядок, который репрезентирует в своем дневнике П. Былына, представляет собой мир постколониального ресентимента, в котором нет места украинской политической нации в границах государства Украина 2013 г., а есть лишь смутно представляемое и максимально охватывающее территории не только Украины, но и России с Польшей пространство расселения украинского этноса, призванного через функционирование украинского государства стать инкубатором идеальной украинской этнической нации. Соответственно, смысл АТО/ООС сводится для Былыны к построению этнического моноязычного авторитарного государства.

«Бандеровцы как самураи»: творчество Бориса Гуменюка

Б. Гуменюк – уроженец Тернопольщины 1965 г.р. писатель и поэт, член активно-го в период перестройки Украинского Хельсинского союза (Українська Гельсінська спілка) и Украинского союза писателей. В 2014 г. уехал добровольцем в батальон «Азов»¹, после воевал в добровольческом батальоне «Донбасс», а затем в батальоне

¹ Организация запрещена на территории РФ.

«ОУН»¹, где стал заместителем командира (Гуменюк 2016: 156). Изданный осенью 2014 г. поэтический сборник «Стихи с войны» принес ему общенациональную известность. Как утверждает Б. Гуменюк, всего было распродано 25 тыс. экземпляров сборника, а на собранные деньги, более миллиона гривен, он покупал военное снаряжение и отправлял его на фронт (Скочко 2016). Анализируемый нами сборник «Блокпост» 2016 г. включает в себя как вышеупомянутый сборник стихов, так и публицистику 2014-2015 гг.

Если первое издание сборника принесло Б. Гуменюку чувство выполненной работы как поэту, то как солдат он чувствовал себя обязанным «уничтожить каждую сволочь, которая придет захватывать нашу землю». По этой причине Б. Гуменюк определяет себя как «поэта и убийцу», который «стремится делать свою работу хорошо» (Скочко 2016). Ключевым моментом в творчестве Б. Гуменюка является его политическая самоидентификация как ОУНовца и бандеровца, что ведет к трансляции в его творчестве романтического пафоса этнонационализма:

«Бандеровец – это не место рождения, это – мировоззрение. Бандеровцами становятся, а не рождаются. Бандеровцы – они что-то большее, чем просто украинцы, примерно так же, как самураи немного больше, чем просто японцы» (Гуменюк 2016: 58).

Для него бойцы УПА, подобно самураям, находятся в том же сакральном пространстве коммеморации, что и нынешние бойцы добровольческих батальонов, а ключевой персоной выступает непосредственно Степан Бандера:

«Сегодня День рождения Проводника украинской нации Степана Бандеры. Поднимем чарки за славных рыцарей прошлого и сегодняшних героев... Слава нации! Вечная память павшим героям» (Гуменюк 2016: 219).

По мнению А. Ассман, в ряде случаев центральными событиями национальных коммемораций могут быть и поражения, так как память о катастрофе оказывается способна мобилизовать сопротивление и усилить национальное единение перед лицом врага (Ассман 2014: 66-67). В свою очередь, в рамках подобной коммеморации одно из центральных мест занимает фигура солдата как сакрифицированной жертвы, чья добровольная героическая гибель ради защиты нации «кодируется героической национальной семантикой, которая сохраняет религиозное значение мученичества» (Ассман 2014: 76).

Именно такой нарратив солдатской смерти как искупительной жертвы транслируется в стихотворении «Я вчера умер», посвященное памяти погибшего побратима:

*«...Я вчера умер
Так нужно
Чтобы побеждать
Мы должны постоянно приносить кровавую жертву войне
Вчера настала моя очередь*

*... Если ты солдат
Ты не должен никем прикрываться
Ты должен всех выкупать собой»* (Гуменюк 2016: 151-152)

В то же время, лирический герой «Завещания», предчувствуя свою смерть и смерть товарищей, просит соотечественников не мемориализировать память о них.

¹ Организация запрещена на территории РФ.

Тем самым деконструируется сама возможность осуществления государственной политики памяти. В то же время, сам отказ от мартирологического акта исходит из того, что подобная деконструкция от противного является более сильной программой коммеморации погибших побратимов, нежели традиционные для украинской литературы дискурсивные практики памятования погибших.

*«Завтра мы уже будем мертвы
 Может многие из нас
 Может все
 Не забирайте нас из земли
 Не отрывайте нас от матери
 Не собирайте на поле боя наши остатки
 Не пытайтесь вновь собрать нас воедино
 И – умоляем вас – никаких крестов
 Памятных знаков или мемориальных плит
 Нам это не нужно
 Ведь не для нас – для себя
 Вы ставите нам величественные памятники
 Не нужно нигде чеканить наши имена
 Просто помните:
 На этом поле
 В этой земле
 Лежат украинские солдаты
 И – все
 ... Не нужно прощальных речей
 В тишине, которая настает после боя,
 Это всегда выглядит неуместно
 Это как будто пинать погибшего воина
 И просить, чтобы тот встал» (Гуменюк 2016: 158–159)*

Что же касается темы Донбасса как внутриукраинского «Другого», то Б. Гуменюк, не сомневаясь в неполноценности «недоделанных соотечественников», сравнивает их то с умственно отсталым больным братом, то с тараканами, используя печально известную метафору расчеловечивания использовавшуюся во время геноцида в Руанде (Гуменюк 2016: 84, 96).

Вместе с тем он все же он допускает некое подобие обсуждения альтернатив будущего Донбасса. Так, его собеседник дед Микола транслирует довоенную версию «галицийского редуционизма» с его идеей «развода»:

«Ну зачем нам тот Донбасс?... Бегаем на одном месте, как белка в колесе: то они нам выбирают власть, и мы терпим, то мы им выбираем и они терпят, и каждый себя чувствует как будто на временно оккупированной территории... Маленькому украинцу до жопы ваша соборность, и на Крым маленький украинец клал. ... Мы не можем жить вместе. Ну – не можем. И – не хотим. ... И если мы уже так не можем быть вместе и последние 23 г. в этом государстве, а перед этим 73 г. в другой это продемонстрировали, то давайте разойдемся? Почему... у нас так все боятся этого слова – “развод”?» (Гуменюк 2016: 62–63).

Стоит отметить, что в качестве образца решения подобной проблемы приводится потеря Украиной части своих земель в пользу Польши и сопутствующая депортация этнических украинцев, то есть именно та страница истории, которая воспринимается П. Билиной как трагедия украинского «этнуса».

Впрочем, уже на следующей странице дед признается в том, что «проявил слабость», а читатель слышит голос его дочери, признающей в качестве мудрого государственного деятеля экс-президента Ющенко, который «поступил как настоящий патриот, как настоящий государственный деятель: пошел на компромисс с врагом ради сохранения соборности» (Гуменюк 2016: 64).

Здесь мы парадоксальным образом видим рассуждение о политике компромисса с элитами востока Украины (пускай и маркированными как «враги») как о фундаменте сохранения территориальной целостности государства. Это, отметим, составляет интересную пару к упоминавшейся выше досаде П. Былины на невозможность достичь понимания с жителями Донбасса, не идя на компромисс, в частности, в языковом вопросе.

Но Б. Гуменюк, упомянув существование подобного нарратива, не разворачивает его во что-то большее, чем приведенное мнение одного из своих многочисленных собеседников, склоняясь к модели ликвидации комбатантов и политической дискриминации нон-комбатантов как рецепту урегулирования конфликта:

«Если без иллюзий, то я думаю, что за нас там каждый четвертый, а трое против. Что делать? Из тех трех, которые против нас, одного придется убить. Как врага. Потому что он и есть враг. А двух других заставить замолчать и принять ситуацию такой, какой она есть. Другого варианта у нас нет. Ополченцы должны быть ликвидированы. Все. Чья вина будет доказана. Все остальные, что ходили на референдумы, митинги, должны быть лишены гражданства и права голоса... Вытеснить их за границы страны мы не можем, а иметь их своими соотечественниками – не хотим» (Скочко 2016).

В целом кейс Гуменюка демонстрирует нам устойчивость ряда дискурсивных конструкций, дегуманизирующих жителей Донбасса. Вместе с тем он подходит к вопросу войны более рефлексивно, указывая на причины начала войны коренящиеся в потере единства западно- и восточнукраинских земель и обвиняет в этом «Революцию достоинства» и ее активистов (Гуменюк 2016: 66).

Экзотизируя Донбасс: опыт бойцов батальона «Азов»¹

Батальон МВД Украины, а впоследствии полк Национальной гвардии «Азов» известен неоднозначной репутацией самого «правого» батальона. По этой причине мемуары его бойцов представляют для исследователя крайне любопытный пример осмысления проблемы Донбасса. В данной работе мы проанализируем работы двух авторов, а именно бойцов с позывными «Воланд» и «Вирій». «Воланд» – это Максим Деревянко, уроженец Черниговской области 1987 года рождения, до войны футбольный фанат и участник ультраправого движения, а также активный участник Евромайдана. Книга его мемуаров под характерным названием «Вальгалла-Экспресс» была издана на русском языке.

Другим произведением является книга «Позивний «Вирій». Жадання фронту»². Её автором является Марко Мельник, известный под позывным «Вирій», уроженец Днепропетровской области 1990 года рождения. В 2013–2014 гг. как и «Воланд», участвовал в событиях Евромайдана. В 2014 г. присоединился к батальону «Азов»

¹ Организация запрещена в РФ.

² Позывной Вырий. Жажда фронта.

где создал фронтовой журнал полка «Черное Солнце». В 2015 г. стал командиром взвода военных журналистов в составе идеологической службы полка, в дальнейшем начальник отдела печатных изданий партии Гражданский корпус «Азов». Основатель издательства военных-добровольцев и волонтеров «Ориентир» и заместитель президента уже упоминавшегося исторического клуба «Холодный Яр» по вопросам издательской деятельности.

Как было показано ранее, Донбасс для радикального украинского национализма предстает изначально «большим» регионом Украины, который по большому счету и не считается за её часть. Для обоих авторов Донбасс отделен от Украины не только физически, но и темпорально. М. Деревянко воспринимает свое пребывание в Мариуполе как командировку на машине времени в СССР: «Совсем не чувствовалось, что это Украина... Время тут остановилось... все осталось на уровне 70-х годов» (Позывной «Воланд» 2016: 73).

Мы видим использование отчуждающих тропов в отношении местных жителей, которые экзотизируются обоими авторами и оказываются в положении карикатурного туземца. В этой колониальной логике жителям Донбасса приписываются иррациональное мышление, неспособность к восприятию «правильных» ценностей, примитивное отношение к власти, собственная убогость и инфантильность. Все эти характеристики, по мнению авторов, конечно может излечить и цивилизовать приехавшие в Донбасс украинские комбатанты:

«Люди, которые не понимают таких простых слов, как самоорганизация, солидарность, честь и гордость. Они никогда не будут с нами в одном ряду... Не привыкли эти люди к человеческим отношениям. Им нужна власть... которая будет их считать ничем, при которой они не будут ничего решать... и они спокойно смогут погрузиться в свой мир тоски и отчаяния, злобы и ненависти, ища врагов везде, только не у себя» (Позывной Воланд 2016: 73–75).

При этом Мельник солидарен с Деревянко и в очередной раз использует дискурсивный ход о непреодолимых ментальных отличиях комбатантов и местных жителей: «Эти люди всего лишь имеют особенный менталитет... Они были не способны понимать ситуацию и рациональные аргументы... уважали только силу» (Позывной «Вирій» 2017: 82).

Как и П. Былына, бойцы «Азова» переосмыслиют АТО/ОСС как этап извечной цивилизационной борьбы Украины с Россией. Именно России, а не пророссийским сепаратистам, агентность и существование которых ставится под сомнение, отводится статус онтологического врага Украины и вместе с этим конституирующего «Другого».

В рамках данного нарратива М. Мельник апеллирует к украинской истории как истории «русинской», «русской»:

«Мы на самом деле ведем войну с собственным извечным врагом – москалями... Государственность в Москве с самого начала проектировалась как антипод нашей Русинской, Руской, Украинской государственности... Наша украинская (читай – русинская, или руская) цивилизация - уникальна» (Позывной «Вирій» 2016: 108–109).

Подобный дискурсивный прием украденного у украинцев «рус(с)кого» первоисточника является классическим для украинской историографии, будучи впервые ис-

пользован еще в рамках литературного конструкта «Истории русов», написанной представителями российского дворянства из числа потомков казацкой старшины в первой четверти XIX века.

Таким образом, мы видим, как существующий в украинском идеологическом и историографическом пространстве «казацкий миф» интегрируется в ветеранские нарративы об АТО. Образ истории Украины как истории русов прямо используется в качестве инструмента самоописания. Место же «ляхов» как наиболее ненавистного конституирующего «Другого» в картине мира бойцов добровольческих батальонов заняли «москальи» (Plokyh 2012: 358, 364).

В свою очередь, утверждение уникальности «русинской» цивилизации становится базисной точкой мессианского и ресентиментного украинского особого пути (Sonderweg). Согласно ему, Украина, находящаяся в оппозиции как угасающему в гедонизме и толерантности Западу, так и агрессивному Востоку, является жертвой обоих. Проводниками враждебных украинской нации интересов выступают «иностранны, предатели и аморфные рабы денег», которые договариваясь со странами запада, теряют суверенитет, а договариваясь с РФ сдают территории. Тем не менее, по своему потенциалу Украина является «богатейшей землей мира», а украинцы – «потенциальными арбитрами цивилизационных противостояний». (Позивний «Вирій» 2016: 108–109).

В подобных построениях проявляется еще одна важная черта украинского ультранационалистического исторического мифа, выраженная в антилиберализме, антиглобализме и аристократизме. Парамилитарное формирование, каким на момент весны 2014 г. являлся батальон «Азов», в посвященных ему мемуарах предстает как эмоциональное сообщество *per se*, скрепленное общими ценностями, целями и эмоциями, главной из которых является гордость собой за демонстрируемую в боях отвагу и бескорыстие:

«Тревога, непонимание происходящего, но гордость за себя и своих друзей, которые сейчас будут освобождать город от врагов. Это как фильм, книга о мифических героях... Мы бросили все не ради денег, медалей и статусов, а ради страны... ради семьи... ради братьев» (Позивний «Волянд» 2016: 65, 71–72).

А вот впечатления М. Мельника о приезде на базу «Азова»:

«Мы были коллективом по-настоящему искренних и преданных Отчизне людей. Мы никогда не руководствовались материальной выгодой. Мы руководствовались лишь совестью и жизненной потребностью нации быть защищенной» (Позивний «Вирій» 2017: 35, 86).

Подобная эмоция гордости и формирует внутри парамилитарных батальонов самоосознание себя как элитарных отрядов настоящих патриотов. Таким образом, ощущение собственного аристократизма нормализует радикальные, антигуманные действия и антидемократические меры в настоящее время. Данные пункты мы также можем найти в программах радикальных националистов, где эта тенденция проявляется наиболее отчетливо.

К примеру, в программе Конгресса Украинских Националистов от элиты требуется гораздо большее, чем просто политическое представительство. При описании такой категории, как «украинская национальная идея», отмечается, что её носителем может быть «украинская нация», выразителем которой является национальная элита,

реализующая свое лидерство как харизматическое, которая «не колеблется в выборе между жизнью и смертью в борьбе за интересы Украинской Нации и Государства» (Програма Конгресу 2020). Идеолог партии Державна самостійність України (ДСУ) и президент исторического клуба «Холодный яр» и Р. Коваль, критикуя украинский политический процесс 1990-х гг., критикует демократию, отмечая, что это власть ветхозаветного Хама, в рамках которой предаются «истинные идеалы нации» в обмен на ценности общества потребления, демократия, заключает он, способствует существованию на Украине морали рабов (Коваль 2016: 40–41). Лишь элита может дисциплинировать, облагородить, оздоровить общество, она будет сформирована путем отбора лучших людей и «создаст энергию, одухотворит этнос и превратит его в украинскую нацию» (Держава, влада 2011: 121).

В сборниках статей, посвященных идейной основе организации «Патриот Украины» в деятельности которой участвовал М. Деревянко, рисуется образ тоталитарного государства, противопоставленный общему дискурсу о демократичности и антиавторитаризме:

«Украинцы – угнетенная нация» – наглая ложь... наш народ всегда был государственным и завоевателем. После времен Киево-Руськой империи мы правили в Русско-литовском государстве, затем играли большую роль в Речи Посполитой и Российской империи... Основную часть своей истории мы не просто не были угнетены, а господствовали над другими. Таким образом, мы можем сформулировать основные принципы традиционного уклада украинской жизни: элитаризм, иерархизм, авторитаризм и империализм» (Юрченко 2012: 22).

Развернувшиеся в 2014–2015 гг. внутривнутриполитические процессы породили у бойцов «Азова» эмоции горечи, досады, разочарования, зафиксировавшие крах националистической утопии. Происходит осознание того, что т.н. «Революция достоинства» не принесла коренных изменений в политической системе Украины, а люди которые её совершали упустили шанс «сделать настоящую революцию» - заключает Воланд (Позывной “Воланд” 2016: 52). Фрустрацию так же вызывает близость правящего класса Украины к правящему классу РФ, которые видят друг друга не столько врагами, сколько «контрагентами», для которых жизни участников околовоеенных формирований не стоят ничего и, как отмечает Мельник, в дальнейшей политической системе им «в лучшем случае судьба политических заключенных» (Позывний “Вирій” 2016: 37, 86).

Заключение

Таким образом, анализируя произведения добровольцев парамилитарных образований можно увидеть своеобразную субкультуру внутри субкультуры. В изученных источниках авторы создают образ добровольческих батальонов как элитных формирований со специфическим представлением об окружающем мире и роли ветеранов в нем. В них можно увидеть, как воспроизведение дискурса довоенной субкультуры украинского ультраправого национализма, так и процесс создания особого нарратива об участниках добробатов как об элите украинского общества, чья общественная позиция априори важнее и значимее чем голос рядового обывателя. Исторические представления опираются на классический концепт «казацкого мифа», соединенный с весьма эклектичным набором образов украинского про-

шлого, где фактология и историческая достоверность подчинен, художественной образности и силе транслируемых эмоций.

Данные литературные источники созданы в течение 2014–2016 гг. и уже тогда были проникнуты ощущением разочарования. Большинство из авторов уверены в том, что «Евромайдан» 2013-2014 гг. как революционное движение потерпел сокрушительное поражение, так и не став подлинной национальной революцией. Это приводит к тому, что высокомотивированные и критически относящиеся к политическому режиму и истеблишменту ветераны будут и дальше активно использоваться разными политическими силами в Украине в качестве силового ресурса уличной политики, в то же время не оставляя попытки реализовать собственную мечту о «правильной» стране.

Говоря об имеющихся у авторов представлениях о возможности реинтеграции Донбасса в состав Украины, можно сделать вывод о наличии у них убежденности в невозможности мирного урегулирования данного процесса. Внутриукраинский «Другой» обозначается ими в диапазоне от продажных элит востока страны до русскоязычных украинцев. Способы работы с ним в диапазоне от тотальной украинизации и этноязыковой дискриминации до физического уничтожения и выселения за пределы Украины. Эта позиция, с одной стороны, проистекает из конфликтного опыта общения с населением в зоне боевых действий, с другой – обусловлено уже имевшимся представлением о Донбассе как о «больном» регионе Украины, населённом внутриукраинскими «Другими». Таким образом, в данном дискурсе территории Донбасса и его население оказываются ставкой в игре с нулевой суммой. Эссенциалистская парадигма национализма, излагаемая авторами как мечта о тотальной украинизации и моноязычной культуре, дополненная планами по политической дискриминации и физической ликвидации противников, оказывается не способна предложить мирному населению, комбатантам и политическим акторам ДНР/ЛНР приемлемую альтернативу продолжающейся позиционной войне.

Источники и материалы

- Билина* 2016 – *Билина П.* Війна кличе. Стань переможцем! Нотатки на полях російсько-української війни. Тернопіль: Джура. 2016.
- Гуменюк* 2016 – *Гуменюк Б.* Блокпост. Київ: Vydavnychiy tsentr «Akademiiia», 2016.
- Ідеологія 2014 – Ідеологія // Сайт МГО «Моноліт 1044». 2014. <https://monolit-1044.in.ua/пронас/ідеологія/> (дата обращения: 1.10.2020)
- Коваль* 2016 – *Коваль Р.М.* Філософія сили: есеї. Київ: Мена Домінант, 2016.
- Позивний “Вирій” 2016 – Позивний “Вирій”. Жадання фронту. Маріуполь; Мена; Київ: Домінант, 2016.
- Позывной “Воланд” 2016 – Позывной «Воланд». Вальгалла-экспресс. Изд. 2-е, доп. Мена: издательство «Доминант». 2016.
- Програма Конгресу 2020 – Програма Конгресу Українських Націоналістів // Конгрес українських націоналістів. 9 июня 2020. <http://cun.org.ua/pro-partiyu/programa/> (дата обращения: 1.10.2020).
- Програма УНА-УНСО б/г – Програма УНА-УНСО // Официальный ресурс УНА-УНСО. б.г. <http://una-unso.com/programa-una-unso> (дата обращения: 1.10.2020)
- Скочко* 2016 – *Скочко Н.* Борис Гуменюк: «Мені хочеться дати прикладом в зуби всій сучасній літературі // Сайт Української літературної газети. 2016. 16 августа. <http://litgazeta.com.ua/interviews/borys-gumenyuk-meni-hochetsya-daty-prykladom-v-zuby-vsij-suchasnij-literaturi/>. (дата обращения: 1.10.2020)

- Только в Киеве 2019 – Только в Киеве... 2019 – «Только в Киеве 22 тысячи ветеранов АТО»: Зеленского предупредили о третьем Майдане // онлайн-издание OBOZREVATEL.com. 18 июня 2019 <https://www.obozrevatel.com/politics/tolko-v-kieve-22-tyisyachi-veteranov-ato-zelenskogo-predupredili-o-tretem-majdane.htm> (дата обращения: 1.10.2020)
- Тріумф Холодного 2011 – Тріумф Холодного Яру // Газета “Незборима нація”. Май 2011. <http://nezboruma-naciya.org.ua/show.php?id=611> (дата обращения: 1.10.2020)
- Юрченко Е 2012 – Юрченко Е. Націоналізм і традиція // Український. Соціальний Націоналізм Збірка ідеологічних робіт та програмових документів. Випуск 2. Київ: Видавництво «Спадщина», 2012. С. 21–23

Научная литература

- Ассман А. 1990. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Герасимов В. Эмоциональные матрицы украинских комбатантов в художественной литературе об АТО // Неприкосновенный запас» 2020, №129. С.180–194
- Бевз та ін Т.А. Держава, влада та громадянське суспільство у документах політичних партій України (кінець 1980-х – перша половина 2011 рр.). Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2011.
- Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005.
- Портнов А. «Донбасс» как Другой. Украинские интеллектуальные дискурсы до и во время войны // Неприкосновенный запас, 2016. № 1 (110). С. 103–118.
- Тишков В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / под ред. В.А. Тишкова и Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 7–18.
- Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. New York: Cambridge University Press, 1996
- Martyniuk A. Measuring Illicit Arms Flows. Ukraine, Small Arms Survey, Briefing Paper April 2017 // The Small Arms Survey Strategic Council. Viewed in July 2020. <http://www.smallarmssurvey.org/fileadmin/docs/T-Briefing-Papers/SAS-BP3-Ukraine.pdf> (дата обращения: 14.01.2021).
- Plokhy S. The Cossack myth. History and nationhood in the age of empires. New York: Cambridge University Press. 2012.
- Rosenwein B.H. Emotional communities in the early Middle Ages. New York: Cornell University Press. 2006.
- Rosenwein B.H. Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context: International Journal for the History and Theory of Emotions, 2010. No. 1. Pp. 1–32.
- Plekhanov, Artemii A. and Usevalad K. Herasimau

The Essentialist Paradigm Of Nationalism And The Future Of Donbass In The Memoirs Of The Fighters Of The Territorial Defense Battalions

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-3/88-104

The article examines the representations of the ongoing military conflict in the east of Ukraine in literary works created by the veterans of Ukrainian paramilitary formations. The problem of radical nationalist views' representation through literature based on the traumatic military experience of the ATO/JFO veterans is in the spotlight. The volunteer battalions members' perceptions of themselves and Donbass, its inhabitants, and its future are analyzed. Based on the theoretical framework of B. Rosenwein, authors propose to view representatives of this group as a specific "emotional community" while the literature

written by them should be seen as a space for reproducing not only the modern version of the "Cossack myth" but also the far-right narrative of "nationalizing nationalism". In the studied corpus, Donbass Russian-speaking inhabitants' future is presented in the range from total Ukrainization and ethnolinguistic discrimination to mass killings or deportations outside of the state borders. On the one hand, this position stems from the combatants' experience of communication with the population in the conflict zone and, on the other hand, is conditioned by the already existing perception of Donbas as a "sick" region of Ukraine, populated by intra-Ukrainian "Others". Thus in Ukrainian paramilitary discourse, Donbass territory and population are viewed as a bet in a zero-sum game.

Keywords: Ukraine, Ukrainian literature, war in Donbass, ATO, emotional communities, veterans, non-combatants, Donbass, volunteer battalions

For Citation: Plekhanov, A.A., U.K. Herasimau. 2021. The Essentialist Paradigm Of Nationalism And The Future Of Donbass In The Memoirs Of The Fighters Of The Territorial Defense Battalions. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 88–104.

Author Info: Plekhanov, Artemii A. – PhD (Hist.), Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: plekhanov.art.alex@gmail.com

Herasimau, Usevalad K. – Mag. (Hist.). The Moscow School of Social and Economic Science (Moscow, RF). E-mail: vgerasimov1989@gmail.com

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 20-011-31600

References

- Assman A. 2014 *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [The Long Shadow of the Past: Memory, Culture and Memory Politics]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Brubaker R. 1996. *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*. New York: Cambridge University Press.
- Bylyna P. 2016. *Vijna klyche. Stan' peremozhcem! Notatky na poljah rosijsko-ukrains'koi vijny* [The war calls for victory! Notes on the fields of the Russian-Ukrainian war]. Ternopil': Dzhura.
- Bevz T.A. et al. 2011. *Derzhava, vlada ta gromadjans'ke suspil'stvo u dokumentah politychnyh partij Ukrai'ny (kinec' 1980-h – persha polovyna 2011 rr. 2011)*. [State, government and civil society in the documents of political parties of Ukraine (late 1980s - first half of 2011)]. Kyiv: IPIEND im. I.F. Kurasa NAN.
- Gerasimov V. 2020. Emotsional'nye matritsy ukrainskikh kombatanov v khudozhestvennoi literature ob ATO [Emotional matrices of Ukrainian combatants in fiction about ATO]. *Neprikosnovennyi zapas* 129: 180–194.
- Gumenjuk B. 2016. *Blokpost* [Checkpoint]. Kyiv: Vydavnychiy tsentr «Akademiia».
- Koval' R.M. 2016. *Filosofija sili: esse* [Philosophy of Power: Essays]. Kyiv: MenaDominant.
- Malahov V.S. 2005. *Nacyonalizm kak polytycheskaja ydeologija*. [Nationalism as a political ideology]. Moscow: KDU.
- Martyniuk A. 2017. Measuring Illicit Arms Flows. Ukraine, Small Arms Survey, Briefing Paper April 2017. *The Small Arms Survey Strategic Council*. <http://www.smallarmssurvey.org/fileadmin/docs/T-Briefing-Papers/SAS-BP3-Ukraine.pdf> Viewed in July 2020.

- Ploky S. 2012. *The Cossack myth. History and nationhood in the age of empires*. New York: Cambridge University Press.
- Portnov A. 2016. «Donbass» kak Drugoj. Ukrainskie intellektual'nye diskursy do i vo vremja vojny. ["Donbass" as another. Ukrainian intellectual discussions before and during the war]. *Neprikosnovennyj zapas* 110: 103–118.
- Pozyvnoj "Voland". 2016. *Pozyvnoj "Voland". Val'galla-jekspress. second edition*. [Voland callsign. Valgalla Express]. Mena: Dominant.
- Pozyvnyi "Vyrii" 2016. *Pozyvnyi "Vyrii". Zhadannia frontu* [Vyraj callsign. Desire of the front]. Mariupol; Mena; Kyiv: Dominant.
- Rosenwein B.H. 2006. *Emotional communities in the early Middle Ages*. New York: Cornell University Press.
- Rosenwein B.H. 2010 Problems and Methods in the History of Emotions. *Passions in Context: International Journal for the History and Theory of Emotions* 1: 1–32.
- Tishkov V.A. 2016. In *Uslozhnjajushhee raznoobrazie: kak ego ponimat' i uporjadochit'* [How to Understand and Organize Complicating diversity]. *Cultural complexity of modern nations* edited by V.A. Tishkov, E.I. Filippova, 7–18. Moscow: ROSSPEN.
- Jurchenko E. 2012. Nacionalizm i tradycja [Nationalism and tradition]. *Ukrai'ns'kyj. Social'nyj Nacionalizm Zbirka ideologichnyh robit ta programovyh dokumentiv*. Vol 2, 21–23. Kyiv.